

ШИСОК МАГНИЦКОГО

или дети во сне
не умирают...

александр
филатов

НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ
ДЕТЯМ ДО 16 ЛЕТ

Александр Валентинович Филатов

Список Магницкого, или

Дети во сне не умирают

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4994588

Список Магницкого, или Дети во сне не умирают...: роман:

Центрполиграф; Москва; 2013

ISBN 978-5-227-04082-4

Аннотация

Жестокая правда о нравах Бутырки.

Главный герой, врач-психиатр больницы Бутырского СИЗО, описывает больных и коллег, фиксирует эпизоды повседневной жизни в камерах и медкабинетах, где соседствуют отчаяние и преступное равнодушие, лицемерие и неприкрытый порок. Действие разворачивается как раз в тот период, когда достоянием гласности становится ряд трагических инцидентов со смертью подследственных в столичных изоляторах.

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Валентинович Филатов Список Магницкого, или Дети во сне не умирают *Роман*

Детям до 16 лет не рекомендуется

*«Магницкий, ну что им дался этот Магницкий?»
Из разговоров в Госдуме*

*Все совпадения с реальными персонажами и
событиями случайны...*

Почти.

*Все названия медицинских препаратов и
методики лечения вымышленные.*

Просьба их не употреблять!

*... Да, у нас лучше, чем в том бушующем
страшном мире за тюремными воротами.*

У нас многое понятнее.

*Отношения до крайности обострены и тем
очищены от ряда мучительных условностей.*

Пролог

Комков уже знает, что его увольняют по обвинению в причастности к смерти Магницкого. Комков в неистовстве. Ответить должны **все**. Наш рабочий день закончился, но мы не можем покинуть ненавистную Бастилию. Не выпускает зло ответственная, спрятанная за тонированным стеклом тетка на КПП: «Врачей не велено выпускать! Идите к Комкову». Последнее она произносит, будто посылая психиатров еще дальше, прямо к Фрейду. Начальник тюрьмы подполковник Комков, белесый бесцветный человечек, заставил всех медиков ожидать своего возвращения с приема граждан. Не он, а мы убили Магницкого! Нас пятеро: я, старшая медсестра II-го отделения Инна Леоновна Ашанова, начальница того же отделения Ольга Валерьевна (О. В.) Окунева, рентгенолог сборного отделения, и Чингис толкались под начальственной дверью полтора часа.

Комков явился с длинноногой обесцвеченной блондинкой, своей секретаршей, стрижка – некогда каре, булавка в носу. Знаем: водит ее с собой для шика и чтобы во взятках на приеме граждан не заподозрили. Секретарша осталась в приемной. Комков быстрым шагом вошел в кабинет, мы – за ним. Выдержав паузу, Комков приказал нам построиться

и доложить, что каждый из нас сделал за день. Наша разношерстная компания, давно переодетая для пути домой в цивильное, неуклюже выровнялась.

Подследственный, за которым стояли похищенные миллиарды, адвокат ПИФа Hermitage Capital, Сергей Магницкий умер в СИЗО-1. Чем же **вы** занимались в СИЗО-2?! Сделав шаг вперед, рентгенолог доложил, что за день сделал восемь снимков. После выступила О. В.: «В психиатрии все спокойно». За сим нас отпустили. Надо признать, что гордец Чингисхан не дождался «прощения». Бросив: «Я не мальчик!», умчался в отделение писать рапорт на неиспользованный отпуск.

Комков разрешил выпустить четверых, но вперед проскользнули хирург и фельдшер со Сборки. У тетки на КПП было плохо не только с памятью, но и со счетом. Она не выпустила троих: меня, старшую и О. В. Мы, «штуки», в терминологии Комкова, страдальчески заверяли: за нами врачей «много». И – о чудо милосердия! Мы на свободе. За воротами тюрьмы О. В. философски резюмирует: «Как-то всю ночь сидели!»

Работаю первый день психиатром в Кошкином доме. Так по фене (на уголовном сленге) называется психбольница (ПБ), обслуживающая следственные изоляторы столицы. Здесь же ожидают судебно-психиатрической экспертизы в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского (Серпы) убийцы и иные душевноподозрительные со всей

страны. До психбольницы в пятиэтажном мрачном рыжем здании содержались преступницы. Переклик высоких женских голосов и родил название.

Мои служебные обязанности: наблюдать и лечить больных, первые пять дней писать вновь прибывшим дневники в истории болезни ежедневно, далее – раз в десять дней. Помимо душевнобольных, я тайно начал писать собственные дневники и своим коллегам. Секретная тетрадь перед вами.

Часть I

Жалобы и наследственность

16.04.09

Курицын Леонид Алексеевич, 1978 г. рождения, статья 132, часть 3. Изнасилдовал свою двухлетнюю дочь. Умерла? «Срочно!» Я увидел Курицына уже вынесенным в коридор. Я делал дыхание «рот в рот», О. В. – непрямой массаж сердца. Сестры принесли два дыхательных аппарата (с «грушами») – оба не работали. Я видел, что Курицын мертв. Окунева не видела. Сестра спросила, уколоть ли преднизолон. Я, со скрытой усмешкой: «Делайте!» Уже и сестра заметила трупное окоченение.

15 минут я «целовал» труп, дыша «рот в рот», в спешке не заботясь о защитной салфетке (бинте) для профилактики заражения туберкулезом и т. д. Наконец, очевидность пресекала усилия.

17.04.09

«Козлом отпущения» меня послали в морг 53-й больницы, что на 11-й Парковой, там проводилось вскрытие, «от-

дуваться» за труп придется Окуновой. Курицын был из ее отделения.

У меня контракт на II-е отделение, но тружусь на I-м. Труп не мой.

Несмотря на мой псевдоблагородный порыв (заставили!), патологоанатом 53-й больницы хотела видеть лечащего врача, т. е. Окунову. Читая ее эпикриз, патологоанатом спросила: «Она (Окунова) вообще в мединституте училась?!» Спасая начальницу II-го отделения, я рассказал, что повесившийся – насильник дочери-младенца. Возмущенные патологоанатомы смягчились: «Так ему и надо!» Придирки к эпикризу сошли на нет.

В обед больной Ивсеев набросился на инспектора («старшего» – по фене) Вадима, стал душить. Ивсеева скрутили, укололи аминазином с галоперидолом (4 кубика к 2-м) и отвели в «резинку» – камеру без окон, со стенами, обитыми резиновыми плитами. В «резинке» буйные или наказанные за нарушение режима должны содержаться не более четырех часов. Реально там сидят и сутками. Все зависит от степени буйства или «вины». Больные, закрытые в «резинках», пока есть силы, долбят в глухую дверь, вопят, затем, обессилев, стихают. Писаются, испражняются, спят на цементном полу – все внутри. Посадившие больных в «резинки» инспектора злорадствуют. «Резинкой» в ПБ грозят, ею убивают.

В ПБ заскочил отпускной главврач Трибасов (Элтон), человек с повадками Элтона Джона. Ему между сорока и пя-

тюдесятью, никогда не был женат. В родном Ульяновске живет в однокомнатной квартире с мамой. В Москве третий год спит на ободранном диване в кабинете начальника Кошкиного дома. Впервые увидев меня, Трибасов тут же приобнял за талию, прижался. Злые языки мгновенно спродуцировали сплетню: я устроился в ПБ, «чтобы трахаться с Трибасовым».

Едва оторвавшись от меня, Трибасов вмешался в дезинтоксикацию больного Лестницева, которому сокамерники скормили шутки ради срыгнутые нейролептики. Домагницкое чудо: 2 куба аминазина (подобное лечу подобным) с кофеином в/м (внутримышечно) снимают мышечное напряжение. Больной еще захлебывается слюной, но уже идет ногами. Глюкоза в/в (внутривенно) закрепляет эффект. Трибасов приехал за получкой. Что будет, когда «артист», как именует себя и он, и другие, на работу выйдет? Ждите, Лазари!

Днем зашел в одну из камер поглядеть состояние одного кататоника. Невесть откуда взявшаяся серая вошь вцепилась в мочку. Отодрал стерву в перевязочной. Видел шесть копошащихся лапок.

Больной Ивсеев, вчера душивший корпусного, поведал: испытывает мучительную потребность убить, покалечить, поиздеваться над человеком, животным – изнемогает с раннего детства. Получает двойную дозу нейролептиков. Умные головы говорят, что при верной терапии симптомы шизофрении снижаются за четыре месяца на 40 %, а дальше – ни

в какую. Шизофрениками рождаются... Другие вообще называют нейролептики химической смирительной рубашкой, не более. Боюсь, что Ивсеева можно убить со злом, в нем сидящим, но не зло – отдельно от Ивсеева.

06.05.09

Подслушал: контролер взхлеб повествовал сменщику, как побоями довел больного Осипкина до попытки самоубийства через самопорезы предплечий. Больная Балкина обмолвилась на беседе, что единственное, для чего стоит жить, – это половое удовольствие. Не отказывать никому в малости, искать большего. Завершенный коитус – путь дао, ведущий к абсолюту. Что люди живут не для удовольствия – басня, недостойная киренаиков. Даже в психиатрической больнице Бутырской тюрьмы Балкина находит в кого влюбиться, кому отдаться. Любопытно, имеют ли ее корпусные в той пустой камере, с видом на Кремль, где ежеутренне переодеваюсь в доктора? На полу постоянно плевки спермы и табачный пепел. Живо представляю, как Балкина в позе «бобра» вцепилась в трубу холодной батареи. Май, весна. Красное, и без того некрасивое, искаженное сладострастием лицо Балкиной обращается то к белокаменному пенису колокольни Ивана Великого, то на окна соседней многоэтажки. Там безумный старик шарит биноклем по решеткам Бутырки. Вторая рука не на бинокле, внизу. Ночью дед найдет дру-

гое развлечение: звонить дежурному Управления ФСИНа с жалобой, что в Бутырке «опять шумят, спать не дают»... А я бы вот радовался, привелись жить рядом с психушкой, чтобы не ездить по два часа на работу и с работы из области. Я бы шум потерпел. За центр Москвы надо платить, пусть и неудобством от шума. Я бы в Ленком пешком ходил... А тут офицер отдела кадров записал, что опоздал я на работу на целых девять минут.

Начальница II-го психиатрического отделения (там признанные институтом Сербского ждут отправки на принудительное лечение в психиатрические больницы общего и специального типа), незабвенная О. В. приволокла ко мне больную Федотову, молодую беспутную среднестатистической комплекции и физиономики бабу: «Лечите! Хотела повеситься!» Хотя часть моих «острых» больных квартировалась на пятом этаже, где называет ординаторскую своим кабинетом Окунева, больная Федотова не была из их числа. Всех моих скинули на третий. Перевод больных произвели в те светлые, начала мая дни, когда Окунева стояла с рассадой раком меж грядок родимой дачи. Выйдя после праздников, Окунева переводом не поинтересовалась, и вот аккорды судьбы. *Nic Rhodos, hic salta!* За полгода пребывания в ПБ Федотова не видела лечащего врача Окуневу, Окунева – Федотову. Долгожданная встреча на Эльбе. Взаимное женское презрение. Обе – толстые размазни, читалки, «библиотекарши». Шепотом Окунева спрашивает меня, устроившегося в Кош-

кин дом более с целью написать сию книгу, чем лечить Федотову. Шутка! Признаем, Окунева не облигатный психиатр. Первую и наиболее памятную пору отдала она педиатрии. Даю совет. Он принят. Лечение пошло.

На доске объявлений Бутырки (мы называем ее доской позора, расположена сбоку плаца) появилась ксерокопия фото из личного дела разаттестованной «за внеслужебную связь» начальницы медчасти Краморовой. Спросил у зама Элтона Гордеевой, она исполняет обязанности начальника ПБ, пока тот в отпуске. Гордеева уклонилась от ответа: «Сложная история!» Мнение старой медсестры Татьяны Тарасовны: «Майоршу подставили. Не несла она с приема граждан вискарь и телефонные сим-карты». Подставили? Так могут с любым? Со мной?

Никто не предполагал, что снятие Краморовой запустит историю с Магницким. Новым начмедом был назначен непосредственно участвовавший в ней – Крабов.

15.05.09

С утра списывали тиорил. Его срок годности кончился. Когда ожидали комиссию, тиорил прятали. Сегодня «прогоняем» тиорил по картам. Назначаем, кому надо и не надо, «чтобы добро не пропадало». Приказ Окуновой, а она вторая в таблице о рангах ПБ при отсутствующей Гордеевой.

В «страшные времена Снежневского», когда Андропов,

Черненко и Устинов меняли друг друга с пугающей быстротой, я трудился в спецпсихбольнице в селе Дворянском Камышинского района Волгоградской области. В соцсоревновании, имевшем целью поддержание отечественной промышленности, наше отделение обогнало пять других по килограммам аминазина на душевнобольного. Секрет состоял в том, что кресты в листах назначения ставились фиктивные. Реально аминазин ссыпался или выливался в унитаз. Отводные воды шли к свиноферме. Свиньи сталидохнуть. Провели анализ сточных вод. Победителей разоблачили. Наказания не было, нас лишь пожурили. Во времена новой России все по-настоящему. Больным назначался и раздавался просроченный тиорил. Больные глотали тиорил и показывали медсестре языки как свидетельство, что не обманули.

20.05.09

На втором месяце работы в ПБ начальница II-го отделения впервые взяла меня за руку. Тут же отдернула. По Фрейду?...

Сегодня день рождения Элтона. Стол накрыли в аптеке, за зоной. Сам пил мало, берег трезвость для позже ожидаемого начальства. За столом Окунева привязывалась к моей работе. Ее бесят мои постельные отказы. По другую сторону стола сидела проштрафившаяся Краморова. Она меня узнала. Я ее – нет. Оказывается, мы вместе учились в Волгоград-

ском мединституте. Она, в девичестве – Львова, была родом из Суровикина. Во время учебы жила в общежитии. После института Краморова тоже распределилась на зону. Она знала о ситуации на спецде Дворянского. Будто бы после моего увольнения и переезда в столицу там случился бунт. Главврача по кличке Геббельс (худой и хромота) больные убили, начальнице 4-го отделения (кличка – Эльза Кох, по аналогии с той, что сдирала человеческую кожу для абажуров, собирала волосы для париков в немецком концлагере Второй мировой; у нашей Эльзы были совершенно шикарные *свои* волосы) во время обхода выкололи заточкой глаз. С одной стороны, ничего удивительного. И при мне в Дворянском больные по территории с топорами бегали, врачей в заложники брали, медсестер убивали. С другой – уж очень Краморова была озлоблена увольнением. Совсем чуть не доработала до пенсии. Все видела в черном свете... Краморова много пила и назло Окуневой зажималась со мной. На прощание обещала разыскать меня на выпускном институтском фото.

22.05.09

Элтон зашивал больному Шаранову самопорезы на шее. Слева – под новокаином, справа – без обезболивания. Шаранов извивался змеей и слезно просил метадон, промедол, любой другой наркотик.

Врач-терапевт Голышкина у каждого душевнобольного

смотрит половые органы. Что это: простое любопытство, неудовлетворенность при муже-алкоголике или сказывается профессиональная подработка дерматологом-венерологом где-то во Владимирской области за Александровом? Лала Викинговна встает в два, завтракает в три ночи, едет на автобусе, в четыре утра садится на электричку. В восемь утра она на Трех вокзалах. В девять – в Бутырке. У Лалы нет соответствующего сертификата. Нигде, кроме Кошкиного дома, где не хочет работать ни один уважающий себя врач, Лалу терапевтом не возьмут. У Лалы комплекс неполноценности: «Что вы?! Я так мало знаю. Никуда более трудоустроиваться и не пробовала». Достаточно терапевтических знаний у лейтенанта медслужбы ФСИНа Гольшкиной лишь для Бутырки. Все мы здесь собравшиеся – отбросы здравоохранения. Лечим же мы подонков общества.

Большинство сестер без удержу материт больных во время утренних обходов. Ходовая шутка в ответ на просьбы бани, прогулки, стрижки, смены белья: «Может, тебе и бабу с шампанским в камеру?» Если больной неудачно повесился, то есть был вынут живым из петли, ему обещают принести из дома веревку покрепче. Порезавшимся «мойками», т. е. лезвиями бритв, предлагают нож. Мат и подобные советы невозможны в присутствии Элтона. Меня же медсестры не уважают. Хрюндели! Неудивительно, что больные набрасываются, совершают самоубийства. Их провоцируют. Не всем убийцам жить захочется, когда во время обхода сестра или ин-

спектор вслух и искренне жалеют, что в стране отменен расстрел. «Да я бы тебя своими руками!» Где я работаю!

25.05.09

У О. В. с утраца повесился больной Масаев. Спина распростертого хладного трупа его явилась моим заспанным очам в разверстных дверях каменного мешка Кошкиного дома. Бурый кал ромбиком торчал меж робко волосатых ягодиц. Уж не его ли материла вчера медсестра Любовь Станиславовна на утреннем обходе? Не ему ли обещала веревку? Ему хватило простыни... Днем труп подвинули к стене. Накрыли простыней. Ожидали труповозки. Я – в головах, эксанитар с сигаретой в зубах – в ногах мертвого рассуждали о статистике больницы. Объявляли один суицид в квартал, а тут каждый месяц. Чудовищное опережение графика.

03.06.09

Вчера больную Федотову возили в суд. Муж ухитрился поцелуем передать пакетик с метадоном изо рта в рот. Ночью Федотова (23 года, второй раз замужем) то ли укололась, то ли нанюхалась самого известного средства, изобретенного человечеством для лечения опиатной наркомании.

Позже больная Балкина констатировала: «Бог за жадность

наказал Федотову передозом. Надо было подруг угостить, а не накрывшись одеялом жрать метадон жором». Психдевички набросились на эгоистичную Федотову, пытаясь силой заставить поделиться кайфом. С полным метадона ртом, хрипя «Не дам!», Федотова отбрыкивалась ногами.

Пока у Федотовой чейн-стокс (предсмертное прерывистое дыхание), я отдавал путаные, не всегда верные указания. Бешено листал справочник. По собственному признанию, Шарко ошибался и через тридцать лет практики. Укол кордиамин под язык несколько выровнял дыхание. На реанимационной карете приехали умники. Перед ними мы, кошкиндромовцы, всегда снимаем шляпы. Поставили капельницу в надключичную вену – мы «капали» в вену тыла стопы (спасая организм, у наркоманов вены прячутся). Возможно, Федотова спасена. Возможно, ей полегчало перед смертью. Федотову повезли в Склиф.

Наша первостатейная матерщинница Любовь Станиславовна по неосторожности уколола палец той же иглой, которой делала инъекции гепатитной Федотовой. Бог шельму метит!

В тот же день начмед Крабов, клон Гиммлера (в таких же очках на утомленном, как у шефа СС, бескровном лице), визгливо орал на меня, требуя хоть из-под земли достать Элтона. Тот убежал на встречу с адвокатом врача-убийцы Козлиева (старпер-симулянт), а надо было сниматься для ТВ Лубянки. Есть и такое.

Некой «блатной» дочке высокопоставленного сотрудника ФСИНа, обучающейся во ВГИКе, надо сдать видеореферат.

Своей темой будущая режиссерша по совету папы выбрала тюрьму.

Рядом с ней, хорошо одетой, попроще – оператор и важняк в дорогом пиджаке. Крабова просят в кадр. На фоне наших решеток он вещает, как благодотно устроен Кошкин дом. Брильянт Бутырки!

Медсестру Любовь Станиславовну Крабов отрывает от раскладки таблеток. «Потом разложишь!.. Расскажи *телевидению*, как трудно, но **хорошо** мы здесь работаем!» Создатели фильма были довольны.

Вспоминаю выходные: 29–31.05.09

Летал в Волгоград на двадцатипятилетие окончания института: «И скучно, и грустно, и некому руку подать». Отмечали в ресторане «Волгоград» – центр города, рядом с институтом. Одногоруппники полысели, постарели. Сидим за одним столом, а говорить не о чем. Третий выпуск уже в могиле. Пока живые – чавкают и не умеют пользоваться ножом. Уходя, берем со стола оставшиеся бутылки водки. Прощальный взгляд: пьяный декан (он каждую встречу выпускников так) дирижирует фонограммой и танцующими со сцены. Человеку, который всегда стремился стать моим другом, я у него остановился, неврологу Н. Н. Соколову (зарплата 12 тыс., у

жены, библиотекаря, 3,5 тыс., двое детей) оплатил сауну и проститутку (два часа – 2 тыс. 400 руб.). Так я «проставился» за то, что крутой – живу в Москве.

04.06.09

В конце рабочего дня заставили сидеть в актовом зале, смотреть конкурс «Мисс Бутырка». Нужно было видеть вышедших в финал пятерых бабищ. Выстроенных по росту, шагающих, отдающих честь с оттопыренным большим пальцем, рассказывающих на «этапе эстетики», что «нельзя леди **ДОЖИТЬ** локти на стол», заученно рапортующих о красотах того города, откуда приехали сторожить эков столицы. При разборке и сборке на скорость пистолета Макарова победила наиуродливейшая, табурет с ушами, мужеподобная зав оружием складом.

Мы с Гордеевой не дождались конца. Свалили, как только истекло рабочее время. Другие остались. Их рабочий день до 18 часов, а не до 16, как у нас.

Позже против таких, как мы, на выход станут сажать сотрудников отдела кадров, не выпускающих «до конца мероприятия».

05.06.09

Федотова вернулась из Склифа. Смеется. Не жалеет о случившемся. Удовлетворенно вспоминает, как муж сказал: «Я люблю тебя!», прежде чем, приблизившись к судебной решетке, поцелуем передал метадон.

Вольнонаемные получают зарплату с 1 по 6 по окончании отработанного месяца. И вот я получил за охрану покоя граждан 10 тысяч р. + 7 тысяч р. «мэровских». В советское время мы, психиатры, жили как боги. Получали на 1,5 ставки 450 руб., когда городской терапевт имел 120, за вычетом налогов – 98. В Камышине мы исключительно на такси и ездили. Камышин – город невест. Текстильная фабрика имени Косыгина, ты сказка, инкубатор счастья! А камышинское медучилище?! День медработника: в единственном ресторане Камышина за столом мы, два молодых психиатра, и двадцать юных медсестер. Они дрались за танец с нами, пинались коленками и каблуками под столом. У меня была интимная связь с тремя с того вечера. Не за раз, поочередно. С приятелем мы менялись. Очарование расцвета советской психиатрии. А политзаключенные в психбольницах? В моем отделении из 106 больных только двое шли по 58-й статье (антисоветская деятельность и пропаганда). Всего было шесть отделений. Вот и считайте. При Горбачеве спец под давлением Запада закрыли, психиатров разаттестовали.

Тогда я тоже работал вольнонаемным. Врачи уехали в Волгоград, кто куда. Вместо спеца открыли женскую зону, как прежде. Осмотрелись, жизнь заставила вернуть спец. Старые врачи, которые «утяжеляли диагнозы» (на самом деле, как и теперь, больные приходили с диагнозами Серпов), попали в какие-то страшные ругательные Белые евросоюзные книги. Врачей вызывали в Волгоградский облсовет «ознакамливаться». Молодежь аттестовалась и продолжила дело.

У окошка кассы нетрезво смеялся освободившийся санитар Кошкиного дома. Мир изменился: бывший санитар впервые видел пятитысячную купюру. Вадик пожалел меня: «Удивляюсь, как вы за вашу зарплату соглашаетесь ежедневно выводить дураков на продол». Продол – коридор.

Элтон – «сова». Просыпается к двенадцати. Моет руки, умывается, отфыркиваясь напротив таблеточной, где, используя вместо отсутствующего стола откидную дверцу лекарственного шкафчика, я пишу историю сидящему сбоку на драном табурете больному. Растеревшись докрасна вафельным полотенцем, Элтон приносит ранние овощи: редис, лучок, ополаскивает и нарезает для салата в глубокую чашу. «Как дела?» – звонко звучит выпавшийся тенорок. Я докладываю. Элтон уходит в свой кабинет, где обедает вместе с замом – Гордеевой. Меню: что-то из дома плюс баланда, отнятая у душевнобольных. Т. е. рацион психбольных уменьшен за счет того, что взяли для себя начальники, фельдшера, медсестры, инспектора и эки-санитары. Обычно именно в

такой последовательности. Что-то не доложили еще на кухне, поэтому периодически возникают конфликты с больными. Не часто. Ибо свежееарестованные не могут есть баланду. Они не забыли вкус домашнего и ждут передач. Депрессивным больным есть не хочется. Один-два отказываются от еды, желая умереть. Изъятое компенсируется недобраным. Конфликт гасится.

К трем часам Элтон созрел для работы. Он любит «ловить» меня и в четыре, когда я намыливаюсь улизнуть с работы. «Вы куда? Давайте посмотрим такого-то. Очень интересный фашист. Свастики на обеих ладонях!» Мы смотрим **интересного фашиста**, качка-красавца Лакшина, которого вчера едва скрутили вчетвером. Нет марлевых повязок, а Элтон требует посмотреть туберкулезника. Медсестра бежит. На ходу про Элтона: «Этому педерасту все равно, а у меня – дети!»

Кстати, выколотые свастики на коже уголовников обычно означают не то, что они фашисты. Они справедливо полагают: антифашизм – фундаментальный камень российской идеологии. Они – враги власти. Следовательно, они «любят» то, что отрицают власти. Они – «фашисты».

Р. С. Инспектор признался мне: его вина, что Федотова травилась метадоном. Не обыскал ее после выезда на суд.

08.06.09

Окунева не вышла с больничного: продолжает сажать картошку на рублевской даче. Парадокс: нищая среди богатых. Врачу-психиатру дачку бы по другой дороге! Скромнее надо быть... Без О. В. мы не только без бланков эпикризов (исключительно Окунева знает, где в единственном в ПБ компьютере их папка, чтобы распечатать), следовательно, нет выписки, но и без Даршевского. Это третий больной Окуневой, который повесился, пока она сажает, окучивает и поливает. Ну не выдерживают душевнобольные врачебного невнимания.

Даршевский «закружился» еще 01.06. Дико, бессмысленно смеялся, вычурно плясал. То узнавал, то не узнавал людей. Я, призванный заменять при «вечном» отсутствии О. В., назначил Даршевскому сибазон с трифтазином. На второй день терапии Даршевский стал отказываться от лечения, ссылаясь на неприятные побочные действия нейролептиков.

Медсестры поверили и исполнили волю **невменяемого** (решение СПЭК ин-та им. Сербского). Лишенный и внимания, и лечения Даршевский повесился на полотняной ленте, оторванной от простыни.

Элтон принес мне листы назначений и велел переписать, чтобы убрать сестринские отк. (отказ) и вертикальные черточки, отменяющие мои назначения.

Уходя с работы, я помедлил, чтобы санитары и «старшие» успели стащить в скорую труповозку целлофановый пакет с телом Даршевского.

Писал эпикриз ушедшему вчера на этап Лакшину. Признаком психического заболевания мною у Лакшина обнаружено не было. Лакшин «не дал» Элтону, по свидетельству санитаря Дениса. В субботу, когда других врачей не было, а Элтон, как помним, живет в ПБ, он домогался от Лакшина показать половые органы. Тот главврачу отказал. Элтон взбесился: Лакшин должен быть болен. Колоть его! Он обострился! Гордеева, подобно чеховской Душечке, солидаризуется с любой властью. Лечить! Значит, наказывать. Ожидать мучительных побочных действий нейролептиков, чтобы кости выворачивались, слюна текла, чтобы больной (или здоровый) себе места не находил. Вот она, месть неразделенной страсти! Лечим за то, что не дал пососать Элтону.

А наутро Элтон опять нас с Гордеевой позовет к себе кабинет посмотреть в очередной раз его любимый балет «Корсар». Мужики в обтягивающих трико скакать будут. «Я обожаю Большой театр!» – «А уж как мы любим, господин начальник!» И мы с Гордеевой мучительно вспоминаем, когда последний раз ходили в Большой. Врем! Имеем подлость подлаживаться под любой бред, прихоть начальника, и, в общем-то, за небольшие деньги.

Несмотря на лесть, меня загрузили работой так, что мама не горюй. Я должен был выписать ворчливо-надоедливо-

го террориста Хучуева (взрывы в подземном торговом комплексе на Манеже, других местах). Хучуев, белотелый 60-летний дед, раздетый догола. Вяло перекатывался по каменному полу. Зэк-санитар «учил» старца дубинкой. Инспектора глядели, смеялись. Сцена разворачивалась около открытой двери кабинета Элтона, где он и Гордеева угощались холодцом. Чтобы попрощаться по окончании рабочего дня с начальством, мне пришлось перешагнуть через извивавшегося Хучуева.

Дома рассказал о своей работе жене. Она в шоке. У них в туркомпании просто воруют, без хамства. Две девочки, которым задерживали зарплату, взяли 100 тыс. из сейфа в офисе торгового центра «Рио» и были таковы. Начальница не стала заявлять в органы. У самой рыльце в пушку! Молчу. А ведь этих проворовавшихся сотрудниц, при грамотно составленной заявке, могли и схватить. Привезли бы в ИВС (изолятор временного содержания), потом – в СИЗО.

Какой-нибудь фельдшер СИЗО-6 (там в Москве баб держат) заподозрил бы у них неадекват из-за надоедливости жалоб на холод, малые и невкусные пайки, редкость бань и прогулок. Покладистый, всегда отзывчивый к пожеланиям УФ-СИНа, психиатр скорой медицинской помощи вlepил бы им суицидальное поведение (возможны варианты), чтобы в ПБ СИЗО-2 уж точно взяли. Немного погодя девушки оказались бы у нас на Кошкином дому.

Тут бы, получив диагноз не впопыхах, как от психиатра

скорой, а в положенный пятидесятидневный срок (начальственные требования варьируются), девушки узнали бы и про настоящие наручники, не поделки из секс-шопа, и про «резинку», и про аминазин с галоперидолом от всех расписанных в МКБ психических расстройств – классический коктейль, «Манхэттен» отечественной психиатрии.

Как и где Элтон собирался ласкать Лакшина, мять фашистский застоявшийся член? Что происходит в нашей психушке вечерами, ночами, в выходные и праздники? «Ложусь в два», – признается Элтон. А что до двух делает? Сестры признают, что ночами к нему в кабинет водят больных... Ловлю себя на мысли, что мне тоже уже нравится ощущать власть над больными, распоряжаться их лечением, которое многие из них воспринимают как наказание.

Рассказывал ли я, как поставил какому-то больному параноид? Элтон, делавший тому же больному справку для суда, заглянул ко мне спросить, а есть ли у того бред. Я мягко расшифровал параноид как бред. «Я знаю», – промямлил Элтон. Но ведь и его зам, Гордеева, без улыбки спрашивала меня, не от слова ли «шуба» шубообразная шизофрения?

Обновленная информация о Даршевском. Он не удавился, его задушил больной Джимаев, «чурка», как сказал контролер. «Закружившийся» Даршевский достал прыжками и ужимками тоже шизофреника, Джимаева. Последний обратился к спасительной подушке, «выключив» спавшего Даршевского навсегда. Да, пока О. В. поливает картошку, в ее

отделении больные от самоубийств обратились к убийствам.

Не выдержавшая безделья исполнительная медсестра Ольга Петровна тащит меня смотреть больных II-го отделения. Третий этаж чище моего, стерильно до смерти. Зато здесь то убить хотят, то «вскрыться», т. е. резать вены. Назначают лечение, но посмотреть истории болезни, сделать в них записи не могу. О. В. Окунева взяла истории на дачу! Там «от балды» строчит положенные каждые десять дней дневники. Приятное с полезным. Знала бы она о моих дневниках!

Грузины сидят у нас в более комфортных условиях, чем представители других национальностей. Объяснение просто: смотрящий Бутырки – грузин. Они в двушках, тогда как иные – по десять–пятнадцать и более. На общем корпусе двухъярусные кровати – порядок. В одной из камер на стене туалета (стены туалета не до потолка, потолки в старинном тюремном замке высокие) гигантская стопка серьезных книг: Достоевский, Камю... Бутырка читает. Хотя с книгами проблема, особенно у нас в Кошкином доме. До книг ли, когда не хватает мест? Новеньких кладут на пол. В некоторых камерах на кроватях спят по очереди. Говорят: когда закончится ремонт второго этажа, станет свободнее.

Ко мне в таблеточную, она же перевязочная, зэки-санитары по распоряжению сестер приволокли и подключили стиральную машину Candy. Я принимаю больных, беседую о сокровенном, а подле раковины рычит, пускает стираль-

но-порошковый газ маленькая стерва. Целый день под ипри- том без противогаса и «лепестка». Сестры довольны: «При- везу из Алексина куртку постирать!» Сестры, как и врачи, не москвичи, приезжие. Москвичи в подобных отстойниках, как наш, «по понятиям», редко работают. Опять же моск- вич с освободившимся психом может встретиться на улице. Кто знает, к чему приведет подобная встреча после наручни- ков, «резинок», побочных действий нейролептиков, баналь- ного мата в адрес пациентов? Одна сестра увидела бывшего больного в кассе пригородных электричек, и бочком-боч- ком, «по-английски»...

У нас есть сестра Ханна, которая согласилась стать второй женой бывшего больного, таджика. Ездит к нему в гости к старшей супруге. Вроде весела. Внутри же такая боль и оби- да на русских «алкоголиков»!

Слушаю шум стиральной машины, нюхаю вырывающиеся из нее запахи и думаю про себя и других: весь медицинский мусор от Тулы, Твери, Саратова и Волги до Белокаменной собрался в соматкорпусе и Кошкином доме Бутырки. Наш идеолог – Лена Фимова: «У нас на скорой помощи главное было не торопиться: кто отойдет, тот отойдет; кто выживет, тот выживет!» Кальвин и Толстой подписались бы. Бог дал, Бог взял.

За малые смешные деньги отъявленные воинственные неучи и бездельники страны надели белые халаты, глумят- ся над больными, в обед становятся в очередь за лучшими

кусками их рациона. Терапия, неправильная, в недостаточных дозировках, с перерывами из-за отсутствия препаратов в аптеке, из-за нераскладки и нераздачи по лени, особенно в выходные, «когда никто не видит», превращает работу в абсурд. Как платят, так и работаем – торжественная клятва русской убогой жизни. У большинства персонала, включая инспекторов, службу, сотрудников спецчасти, отдела кадров, бухгалтерии, оперов, на руках нет самых дешевых часов. Нет автомобилей, большинство – «безлошадные». А профессиональное оборудование? Стоматолог называет себя «без кресла». «Она мне кресло не дает!» Кто она? «Начальник тюрьмы разрешил мне лишь удалять». Больные воют от зубной боли. Стоматолог Аркадий, любимец Гордеевой, приходит к ней поболтать, а записавшихся к нему больных к себе в соматкорпус не выводит. Он личный друг начальника тюрьмы Комкова. Ему нечего бояться. Аркаша подсовывает мне книги по русскому вопросу: «Все в России жида захватили. Мы живем в каганате!» Поболтает, уйдет, забыв или не захотев забрать больных на лечение.

Назначаю больным анальгетики, чтобы как-то помочь. Отгниют зубы, выскочат. Чай, двадцать первый век на дворе. До Петра I жили же как-то без стоматологов! «Вот еще история, – начинает болтун-стоматолог, – еле до работы добрался. Контролеры ссадили за 63 километра от Москвы, когда я из родной Каширы без билета, положившись на удостоверение ФСИНа, как обычно пытался доехать». И вновь мы

обсуждаем, что за **такие** деньги не работают. Терапевт Голышкина от Александрова доезжает до Москвы-3, выходит, покупает билет, будто там на электричку села.

Каждый в тюрьме экономит. Сотрудники ФСИНа прыгают через турникеты, залезают прямиком на ж/д платформы, везде пытаются что-то урвать – не вещь, так время. Пронесут зэкам запрещенное: мобильники, зарядники, симки. Но нельзя звонить ни родным, ни друзьям, ни адвокатам из-за опасений, что будут координировать действия при массовых беспорядках. Наркотики, алкоголь – запрещены!

Безумный «банщик» хохол Володя Поспешев со вставленными наушниками плеера самозабвенно орет на проходе: «А Ленин такой молодой!» Песни его про Ленина, партию, комсомол. Володя из Крыма, какой год живет в тюрьме, разрешили! «У меня комната четыре на восемь». Это кабинет оперов. Володя за верную службу ждет к пенсии квартиру от ФСИНа, так же как Гордеева. Наивные... На утренней сдаче-приемке, когда больных выводят в коридор, Володя хвалит Муссолини и «его друга». «Хорошие были люди, бесребреники!» У Володи сестра живет в Италии... Нигде фашизм столь не популярен, как в тюрьмах.

17.06.09

У многих больных запоры. Как не быть, когда сидят на одних углеводах: картошка да каша – пища наша. Мясо и

рыбу подъедают врачи, медсестры и корпусные. Элтон с зарплаты покупает больным слабительное (в тюремной аптеке часто нет), но лучше бы он не черпал из котла и не позволял остальным. Гордеева периодически отказывается от баланды. Никогда не ест баланду Окунева. Но не по моральным соображениям, брезгуют.

Гиммлер (Крабов) на дне рождения Гордеевой (с дешевым коньяком, как положено у тюремного руководства) вспоминал, как в 1994 году зарплату сотрудникам Бутырки выдавали проднаборами: крупой и т. п.

Кавернозный туберкулез

Интеллектуалка-шизофреничка Михайловская пробыла у меня сорок пять дней. Заваленный работой (в ПБ три начальника и я), ошибся и выписал Михайловскую вместо СИЗО-6 на Бутырку. Рассмешил аксакалов: в Бутырке бабы не сидят. Михайловскую в ПБ вернули, и тут с рентгена после полуторамесячной затяжки приходит FL: у Михайловской открытая форма туберкулеза. 45 дней она сидела в камере ПБ, подвергая риску заражения шесть психически больных женщин, а заодно врачей, сестер, санитаров, балантеров, инспекторов.

Дабы сохранить лицо, Элтон выдвинул версию, что каверна Михайловской зарубцевалась. Видимо, за ночь. Михайловская и далее осталась в общей камере. Главное, чтобы она

сама ничего не заподозрила, а то еще поднимет шум! Михайловская покуривает, подкашливает и... противится выписке. Не хочет уезжать в СИЗО-6. Там кормят хуже! Что ж, выходит, инспектора, сестры и главврач всего не съедают.

19.06.09

Небезызвестная Балкина объявила себя беременной и написала заявление с просьбой вывести в город на аборт. Хотела «раскумариться» сменой обстановки. Я предложил тест. Но в аптеке тестов нет. К несчастью Балкиной, тест оказался в сумочке сестры Кроликовой из Королева. Балкина не беременна! Элтон поражен. Он, одиночка и пед, про тест не догадался.

Вчера вышел на работу антилидер нашей психбольницы Чингис. Столкнулся с ним сегодня – вчера прокатился в РУДН разузнать о курсах для получения отсутствующего у меня сертификата психиатра. Сидели в офицерской столовой: салат, суп и три хлеба за 23 рубля. Чингис раскрывал страшные тайны: Элтон сосет и лижет у больных. Будто бы и медсестра, вбежав ночью в незапертый начальственный кабинет с сообщением, что кому-то из больных плохо, застала Элтона мастурбирующим смотрящему. Чудовищная правда, к чему ты?! Лучше поглощать пищу спокойно.

Чингис приглядывается ко мне: нет, у меня с Элтоном ничего нет. Когда-то традиционная мужская ориентация поме-

шала моей работе в кино. Уже в стенах ПБ за чаем Чингис снова вставил съемный передний протез: «Так оно и было». Каждый «факт» юный фельдшер Дымов подтверждал качанием ноги: «Все знают!»

Фельдшер ушел, а Чингис раскрыл мне свою родословную. Он – славный потомок Чингисхана. У Чингиса великие предки. Да и близкие родственники не подкачали. Есть снимок деда, где он сидит на лавке между Лениным и Сталиным.

Дед присоединил Бурятию к России. Сейчас Чингис добивается восстановления памятной доски на доме на Арбате, где жил дед. Доску сняли, когда деда репрессировали.

Чингис отказывается идти работать во II-е отделение, где мрут больные. У Чингиса есть основания: контракт на I-е отделение. У меня контракт на II-е, но я почти три года проработаю на I-м. У Чингиса существует и иная причина. В прошлом году он проколол пролонгами одну «неуравновешенную, кидавшуюся даже на смотрящую по камере». Смотрящая не кормила «неуравновешенную», привязывала к кровати и в конце концов забила до смерти ударами сковородки по голове. Такова версия Чингиса.

Медуправление УФСИН разошлось с ним, подстрекаемое Элтоном, злейшим антиподом монголоида. Устроили показательный процесс. Всех врачей ПБ и изоляторов собрали в управлении. Чингиса заставили подняться на трибуну и объяснить собравшимся, почему он назначил пролонг шесть дней подряд при рекомендуемой дозе одна ампула в месяц.

И вот теперь накануне нового отпуска О. В. Чингис не хочет идти во II-е отделение «прикрывать ее неблагодарную толстую жопу».

До педераста пятнадцать лет Кошкиным домом руководила активная лесбиянка осетинка Валерия Линкоровна Бероева, «баба мафиозная». С замом Наташей жила. Ходила по ПБ павой, руки за спину. Дабы «разоблачить извращенков», опера их до съемной квартиры «вели». Дверь захлопнулась, а что внутри было – покрыто мраком.

Чингис, заложив руки за спину, торжественно поднимается по темной, заплеванной лестнице Кошкиного дома. Часто он останавливается, чтобы через плечо бросить мне, поднимающемуся следом, очередную разоблачительную реплику. Перистый серый чуб на лысеющей черной голове в сквозняке встает дыбом, тень решетки ложится и сбегает с измученного двумя работами скуластого лица. Бероева уволилась и с любовницей укатила в Кисловодск или Пятигорск. Античные призраки выходят из бугристых стен воплощенного коллективного бессознательного нашего здания...

А до Валерии Линкоровны, правившей Кошкиным домом восемь лет, главным врачом был Сергей Васильевич. Про него помнит лишь работающая в Бутырке пятый десяток медсестра Альбертина Михайловна.

Мы в отделении. Стоит перед нами артист Элтон Джон. По лицу Чингиса Элтон читает, **что** тот мне говорил. «Я в управление!» – Элтон убегает.

Следует демарш на нашу с Чингисом близость: запланированные посиделки на День медика сорваны. Элтон не желает дышать одним воздухом с Чингисом еще и в праздник. Напрасно, оставив машину, я приехал в Бутырку своим ходом. Симпозиум, т. е. попойка, отменен.

Гиммлер приходил умиротворять. Кажется, занял сторону Чингиса. Меня поздравил с Днем медика через губу. Магницкий возражает!

Элтон продолжает давать больному Ирмакову экспериментальные таблетки из Серпов. За каждую таблетку лично расписывается в листах назначений. Сестры жалуются на допработу – носить листы в кабинет. Науку ленью не сделаешь. Когда Элтона нет, сестры хитрят. Зовут зэка-санитара подделать почерк начальника.

22.06.09

Жидаев, новая пассия Элтона, ало-губастый, высокий, гибкий, как пантера, больной, накопил выписанные ему таблетки и выпил разом. Отравился не до смерти. На пару с ним «вскрылся» его сокамерник серийный убийца Хучелидзе. Переведенный в другую камеру Жидаев опять отравился. Снова не до смерти. Хучелидзе, соперничающий с Элтоном за сердце красавца, «вскрылся» повторно, требуя возвращения Жидаева в двушку, где они вдвоем сидели. Вызываю Хучелидзе, стыжу. Тот сначала жалуется на нестерпимое

желание убить человека. «Кого?» – «Сейчас – вас». Хучелидзе кладет огромную, он большой человек, перебинтованную от многочисленных порезов волосатую руку на мою безволосую. Мы вдвоем. Никого нет. Хучелидзе рассказывает, «как все началось». Мальчиком он присутствовал на вскрытии то ли отца, то ли дяди. А Жидаев? Ты из-за перевода его в другую камеру вскрылся? Да нет же! Я вскрылся, потому что опер Сергей Григорьевич мобильник у меня отобрал. Я за этот мобильник ему каждый месяц по тысяче рублей платил. Деньги приходилось отбивать, и на прогулочном дворике я давал другим больным звонить. Молчи! Молчи! Понимаю, почему двушку Хучелидзе, она имеет общую стену с «кабинетом» Элтона, никогда не обыскивают. Инспектора на утренней поверке в камеру Хучелидзе даже никогда не заходят, боятся найти трубку, освященную опером ПБ. Но Сергей Григорьевич столь строг? Прячется за строгость? Что же в этой больнице один я, дурак, взяток не беру?

24.06.09

Хучелидзе выдвигает и другие требования. Сергей Григорьевич должен вернуть цветной телевизор и заныканную упаковку циклодола. Циклодол – корректор нейролептиков. Циклодол – золото отечественных психбольниц.

Не имею информации про телефон, а вот телик Хучелидзе, полнокровному бородачу в расцвете сил и лет с зелеными

в крапинку глазами в разные стороны, вернули. Циклодол?
Про то не ведаю.

Опасливо «долгожданная» комиссия медуправления УФСИНа наконец явилась, я уже собираюсь домой. Меня рвет из ординаторской позорно бежавшая О. В. Наталья Филипповна, главный психиатр УФСИН, не Настасья Филипповна, но та же фригидность, замаскированная на этот раз не под страсть, а под должностное рвение. Воплощенная ответственность. Представляю ее маленькой девочкой, которую училка спрашивает, кем она хочет стать. Пятиклассница Наталья Филипповна отвечает твердо, покачивая серыми бантами: «Хочу стать полковницей и инспектировать дурки!» Я издали вижу ее затянутую в мундир стройную фигуру на чуждых форме и месту двенадцатисантиметровых каблучках. Страшна, ретива, секс подавлен до отрицания. В жилистых руках пятидесятилетняя изголодавшаяся женщина держит историю болезни бомжа Сороки. Диагноз: «Абстинентное состояние, синдром отмены алкоголя с делирием» (белая горячка, в просторечии – «белка»). Мутными глазами, абстрактной ко всем мужчинам, как на полотнах Магритта, ненавистью Н. Ф. сверлит меня, почти подбегающего. «Как вы смеете подходить ко мне, держа руки в карманах?!» – кричит она мне. И я, оробевший, делаю вид, что перепуган еще больше. Краем глаза замечаю бледные, перекошенные ужасом фейсы Крабова и поодаль стайку сестер. Элтон отсутствует.

Докладываю о Сороке, значительно более придумываю, чем вспоминаю, что с ним. Тайком люблюсь фигурой Н. Ф. Но рожа! Неудовлетворенность подполковницы захлестывает. Чтобы не прочитала неуместное желание, отвожу глаза, бубню, лаская взглядом кольцо разведенной на левой венистой руке. Филипповна «заряжена», она неистовствует: «Как часто я смотрю больных?» Реально делаю обход каждое утро. Честно: знаю не всех. «Что с ногами Сороки?» Боже, что с его ногами, прошедшими теплотрассы и вентиляторы метро, отогревающими отморожения?! «На изъязвления мы накладывали повязки с мазью Вишневского. Я назначил фуросемид против отеков», – лопочу я. Вольнонаемный, без погон, а сломался. Слышу и стыжусь собственной просительной интонации. «Фуросемид в повязках? – издевается Н. Ф. – Профессионализм ваш ясен!»

Н. Ф. превращается в Наполеона. Она заходит в палаты. Садится белым накрахмаленным халатом на потерявшие любой известный цвет завшивленные постели. Она берет больных (мужчин) за руки. Она жалеет убийц, грабителей и насильников. Она желает им здоровья. Она пеняет врачам, ее врачам, поскольку она главный психиатр системы, что «заколоты мальчиков». Персонал не понимает, не любит тех, кого жалеет Н. Ф., но ненавидит того, кого ненавидит **Психиатр**. Ненависть популярнее и понятнее любви в Кошкином доме. Гиммлер первым ненавидит меня, поверженного, зато верноподданнически пожирает глазами Н. Ф.

Апофеоз. Маренго, или этюд в багровых тонах. Открываем 489-ю камеру. У окна тусуется ожидающий отправления на этап выписанный Айрапетян, а под дверью сидит на корточках красавец Жидаев и лезвием пилит себе руку. Кровь тихонько струится на пол. Н. Ф. поворачивается ко мне и участливо спрашивает: «Почему не лечите?» Ответить не могу. Не сказать же правду, что влюбленный в больного главврач (Элтон) запретил лекарствами портить красоту. Лечим с сестрами тайно, не внося получаемые препараты в листы назначений.

Звучит сакраментальный вопрос, где Элтон. Этот вопрос беззвучно висел, пропитывал, истекал из явления Н. Ф. в ПБ. Гиммлер свистящим шепотом посылает меня найти Элтона. Вместо него на втором этаже нахожу трясущихся от ужаса Чингиса и О. В. Оба отворачиваются, не говорят правды: Элтон на совещании у начальника тюрьмы. А зам Гордеева? Без вести. Возвращаюсь, докладываю перехватившему меня на дальних подступах к комиссии Гиммлеру: «Главврач на совещании». – «Только не на совещании! Туда мы с Натальей Филипповной после осмотра психбольницы идем. Скажите: он в спецотделе».

«У меня ноги устали», – капризно итожит Н. Ф. Еще бы: двенадцатисантиметровые каблучки-шпильки. Вставшие подростковые писули, и только.

16 часов 20 минут. Пробую отпроситься у Филипповны. Мой рабочий день все-таки окончен. Отвергнут с презрени-

ем: «Докладывайте главврачу, что ваш рабочий день закончился! Я – на совещание, а в 18.30 приду смотреть отделение опять!» Кто бы ее вые...!

26.06.09

Позвал Чингиса (работает психиатром с сертификатом невролога) по неврологической части осмотреть больного Скоробогатого, жалующегося на нарастающее онемение конечностей. Из-за отсутствия в больнице неврологического молоточка Чингис простукивал коленки Скоробогатого кольцами больших тюремных ключей. Поразительное дело: у Скоробогатого вообще нет рефлексов. Нет и чувствительности: он не реагировал на уколы иглы от шприца. Чингис поставил диагноз истерия или арахномиелит. В последнем случае, по словам Чингиса, необходима немедленная госпитализация в неврологический стационар. Я предложил доложить Элтону. «Не вздумайте! – Чингис чайником зашипел: – Сегодня пятница, короткий день. А он (Элтон) заставит вас с этим больным тут (в ПБ) после трех часов (15-ти) торчать».

Имел подлость послушаться и не доложить. Надеюсь, опасения Чингиса преувеличены той биологической ненавистью, которую он испытывает к Элтону, стремясь на его место главврача.

Вот и комиссионерша Наталья Филипповна в его глазах хороша. Все потому, что удостоила Чингиса короткой мило-

стивой беседы на тюремном дворе.

«Вы лучше, – продолжал Чингис, – пойдите и спросите медсестру Татьяну Анатольевну, как она недавно **опять** застала Элтона мастурбирующим больному в перевязочной. Представьте, заметив сестру, подлец не смутился: «Это я больному нервное напряжение снимаю!» Я спросить Татьяну Анатольевну не пошел. Признаю, засовывать или предлагать засунуть пальцы в задний проход психбольному «для определения состояния простаты» – у Элтона страсть. Неоднократно сам был свидетелем.

Беседу с Чингисом прервал зэк-санитар (санитары в Кошкином доме – зэки). Он зашел спросить врачей, не надо ли кого из больных отпиздить. А то кулаки чешутся. Шутя, я предложил отпиздить любимчика Элтона – Жидаева. Он упорно просится назад к Хучелидзе. Протестуя против разлуки, Жидаев пытался на прогулочном дворике (на крыше ПБ) проглотить лезвие. Был удержан другими больными.

Элтон продолжает вызывать в таблеточную четвертого этажа Жидаева. Заставляет долго пристально смотреть глаза в глаза. При этом стоит вплотную, животом касаясь живота больного. Перехватывая дыхание, дыша одним воздухом. Таблеток и инъекций не назначает. После того как Элтон оставит в покое, Жидаев облегченно вздыхает. Спрашивает меня: «Кто это?» – «Главврач». – «Чума!!»

Федотова на этот раз обглоталась корректора нейролептиков, циклодола. Элтон полагает: не циклодола, а снова – ме-

тадона. Строчит рапорт: пусть опера разберутся, кто в ПБ носит метадон. Понимая, где работаем, каждый боится необоснованного обвинения.

В кабинете Элтона видел распечатанный им документ о смертности в ПБ. Все трупы О. В. «повешены» на Чингиса. Элтон знает, что тот за глаза называет его «голубым полковником», строчит письма в управление, требуя увольнения Элтона. Основание: нетрадиционная сексуальная ориентация, «позорящая уголовно-исправительную систему».

Меня затрахали больным бээсником (бывшим сотрудником правоохранительных органов) Смирнитским. Его родня требует, чтобы ему сделали ЭКГ. Это больному истерией, у которого от страха за ответственность по мошенничествам с квартирами не только сердечный ритм легко изменится, но и зарубцевавшаяся язва желудка вполне способна открыться! Мама Смирнитского с приема граждан кричит мне по телефону: «Сынок в шесть лет спал с открытой форточкой!» Что-то желает высказать дядя больного. Ему передают трубку.

Полусумасшедший инспектор Поспешев повел Смирнитского на ЭКГ. На сборке (приемное соматическое отделение) над Проспеловым рассмеялись: «ЭКГ? Да когда же ЭКГ было в Бутырке?!» Зам Элтона, Гордеева, смущена: «Но было же! Куда делось?» Она даже назвала фамилию медика, делавшего ЭКГ. Тогда впервые я узнал о работе в терапевтическом корпусе терапевта Лыткариной.

Начмед Крабов (Гиммлер) скоро лопнет от высокомерия.

Никогда не здороваются с врачами и не отвечает на приветствия.

01.07.09

После обеда (обед в ПБ с часу до двух) в дверях перевязочной (моего кабинета, где вместо стола откинута крышка таблеточного шкафа) нарисовалась лунообразная физиономия нашего евнуха: «К нам поступил миллиардер Аковлев. Посмотрите его, только осторожно. У него может оказаться поддержка». – «Миллиардер – это хорошо, – осклабился я. – А то у меня часы плохие».

Я посмотрел Аковлева. Это оказался здоровенный детина, сотрудник питерского ЧОПа, по заданию шефа позвонивший кому-то со своего мобильного с предложением взятки в особо крупном размере. Увы, миллиардерство не подтвердилось. Элтон, как всегда, жил в кругу непробиваемых фантазий. Но начальник мне не поверил! Я назначил Аковлеву лечение. Элтон вырвал из истории болезни листок назначений: «Я его сам вести буду!» Сука, не хочет делиться!

Элтон поругался с фельдшером Дымовым за командировку в Саранск. Этап с душевнобольными положено сопровождать медработнику. Обычно ездит медсестра или фельдшер, за их отсутствием – врач. Сопровождение – формально, т. к. медработники Кошкиного дома никогда, на моей памяти, не брали с собой лекарств.

Однажды в 5-ю московскую больницу, город Чехов Московской области, послали с этапом меня. Вольнонаемных направлять не положено, но нигде так часто не нарушается закон, как в самой системе! Я попросил лекарств. Мне дали, и даже шприцы. Однако просьбе моей удивились, надо мной посмеялись. Без препаратов сопровождающий, если больному плохо, способен лишь сделать ему дыхание рот в рот или непрямой массаж сердца (ритмично нажимать на грудь руками).

Что же не поделили фельдшер и главврач? Почему в Саранск не поехал фельдшер, что привычнее? Элтон родом из Ульяновска. Туда из Саранска рукой подать. Элтон хотел навестить маму. Дымов же родом из самого Саранска. Каждый хотел за госсчет, правда в «Столыпине», прокатиться до дома.

Юный Дымов сорвал форменный галстук, расстегнул фсиновскую гимнастерку: «Теперь работы от меня не дождетесь!» Отыграется на душевнобольных. «Бедные, вы бедные!» – как фарисействовала комиссующая Филипповна. Дымов грозился за чаем «смертельно отомстить» главврачу. Элтон не видел и не слышал. Подождем!

Антоновна (она же Гордеева) поумничала, «направив» молодого психиатра: зачеркнула в моем диагнозе слово «шубообразная», сверху написала «приступообразная». Ну, сколько ни объясняй, сомневается она, что «шубообразная» никак не связана с «шубой». Я указал, что после «приступо-

пообразная» через тире просится «прогредиентная» и указывается степень прогредиентности шизофрении. Матушка Антоновна не смутилась. Она умеет держать лицо. Подходя ко мне сидящему, не упустит навалиться грудью на плечо. Чувствую мешочки пустых грудей. Учит меня, «молодого», с придыханием. Если честно, иногда ее хочется. Особенно когда от долгого сидения кровь в зад и перед уйдет.

Ох, знает бывший кардиолог Гордеева сердечные дела! Крабов от увядающей красоты ее просто млеет. Стоит, ножками перебирает. Антоновна в ответ глазками вращает, круглит. Гиммлер в ответ: «Чибуша», «Чинуша», «Чмоша»? Антоновна показно добра. Принесла мне сворованный у психов или ээков сахар, стыдливо пересыпанный в коробку из-под кофе: «Отдохните. Побалуйте чайком. А то у вас сахар кончился!» Заботливая.

02.07.09

Уходя домой, видел больного Жилеткина. Он был в костюме, белой сорочке без галстука. Улыбался слабой виноватой улыбкой, опираясь на плечо другого больного, помогавшему ему идти. Жилеткин – «отказник». Протестуя против действий конкретного следователя и правоохранительной системы в целом, он отказывается есть и пить.

Я назначил Жилеткину капельницу с 5 % глюкозой, дабы насытить и напоить через кровь. Да простят мне доктора

немедицинские термины! Рассчитываю, так понятнее непрофессионалам. Продолжаю и далее в том же духе... Жилеткин болен на всю голову. Голодовкой он желает еще и «очистить кишечник». Неприятие ментов тоже развернуто в бред. «Менты» не видят его болезни, им виден лишь протест.

Явился опер Григорьевич. Он строг с безденежными, не имеющими поддержки внутри тюрьмы или «за забором». С теми, у кого «мохнатая лапа» (охранник Аковлев, неудачно предложивший кому-то супервзятку, авторитет Хучелидзе), Григорьевич мягок до лести, вежлив до утрированной неуклюжей деликатности, ибо по жизни Григорьевич мужчина брутальный, лицо его из тех, про которые говорят, что рублено оно топором. При 20-ти тысячной зарплате джип Григорьевича лучший на Бутырке. Про Григорьевича нехорошие слухи. К примеру, принес мобильник Хучелидзе. По этому мобильнику с угловых камер и прогулочного дворика, где, несмотря на «глушилки», «берет», звонят за дружбу и таксу все наши три этажа.

На моих глазах опер Григорьевич набросился на положенного под капельницу «отказника» Жилеткина. С матерной бранью вырвал из вены катетер, ударил лежащего кулаком по печени: «Таких сук не лечить, убивать надо!»

Опер уходит. Поскольку он запретил не евшему четыре дня ослабленному Жилеткину вливать внутривенно глюкозу, я, дождавшись звука хлопнувшей за Григорьевичем двери, уговариваю больного выпить сладкий раствор. Жилеткин

соглашается «для очистки кишечника». Что ж, не моем, так катаньем поддержим издержавшиеся силы.

Снова день рождения. Теперь какой-то сестры. Так это же Марина Пугалина. Она вахтенным методом работает у нас, приезжая на работу... из Саратова – рекорд удаленности, достойный Книги Гиннеса. Пугалина сопровождает этапы, в отделении увидишь ее, как дракона острова Комо. Всегда в форме, даже при раздаче таблеток, выполнении инъекций. Ну, чтобы зэки боялись. Впрочем, Марина незлобивый пьющий маленький человек. Руки ее, как и у кое-кого еще из медперсонала, по пьяни порезаны. С кем ведешься, от того и наберешься!

На столе возможное изобилие в понятиях нас, убогих. В банке пронесенная через «кордон» водка. Вместо рюмок мензурки. Элтон выпил три. Ругал «журналюг» и вообще «уродов, снимающих отдых сотрудников». Это к обсуждению показанного по «ящику» отдыха 8 Марта гибэдэдешниц, которым мужское начальство преподнесло выступление стриптизера. Гибэдэдешницы без формы, но под поучающими госплакатами на парня прямо полезли. Наши подпившие девки Элтону: «Мардох (Мардох им кажется проще выговорить, чем Михаил) Николаевич, мы тоже стриптизера хотим! Мы что, не люди?! Да-да, люди! – заклохотали престарелые курицы. – Выпишите нам стриптизера на день тюрем!»

Лала Викинговна отучилась месяц на терапевта, но сертификата ей не дали. Стажа работы не хватило. Приписать

стаж Гольшкиной совесть помешала. Она постится, ходит в церковь. Как многие, ущербна. Из-за сколиоза ходит хромой уткой, набок. Особо нелепо выглядит в синей фсиновской форме. Я люблю Гольшкину. Она обыкновенный хороший человек и скрупулезный врач.

Месяц учебы Гольшкиной, следовательно – отсутствие в больнице, возвращение без сертификата взбесили Элтона. Тогда я не знал о его неприятностях с Филипповой. Прямо на дне рождения Пугалиной Элтон объявил Гольшкиной, что каждый ее выход на работу должен начинаться со сдачи экзамена по одной из терапевтических тем: завтра холецистит, потом – пневмония. «Пока учебник глава за главой не пройдем!»

Слова оказались не угрозой, но напоминанием. Лала Викинговна достала из сумочки «Пропедевтику внутренних болезней» за третий курс мединститута. Элтон кивнул.

08.07.09

Сегодня впервые увидел Джимаева, автора третьего гола в ворота О. В. Джимаев удавил Даршевского, добавив к двум моим победным очкам (два завершенных суицида в отделении О. В.) еще и убийство. Джимаев сидит один, т. е. его самоубийству не препятствуют. Другим больным запрещено находиться по одному, полагается, чтобы один присматривал за другим. Нередки случаи, когда из двухместной каме-

ры больного вывозят на суд или на следственные действия. Тогда оставшийся на какое-то время предоставлен самому себе. Если у него есть суицидальные мысли, он может их реализовать. В больших восьмиместных камерах самоубийца способен «договориться» с сокамерниками. В подобном случае остальные «ничего не видели, ничего не слышали». Существуют совершенно непонятные мне «постановления об одиночном содержании». Больной, а это или «блатной», или особо опасный преступник, находится один в двухместной камере официально. Он предоставлен самому себе. Самоубийства среди лиц, официально находящихся на одиночном содержании, мне неизвестны. Ничем не грозил себе и Джимаев.

Джимаев – истощенный средних лет «чурка» (термин ПБ). Джимаева трясет от нейролептиков, которыми его то ли лечат, то ли наказывают за убийство Даршевского. Элтон воздал Джимаеву на земле, чтобы не упустили на небе. Я назначил реланиум для снятия экстрапирамидных расстройств.

Чингис якобы болен. Все уверены: врет; трудится на второй работе под прикрытием больничного, сфабрикованного женой-терапевтом. Джимаев числится за ним. Нейролептики назначены Элтоном. Он начальник. Имеет право. Зная, что Чингис никогда не назначит Джимаеву корректор (как подавляющее большинство медперсонала, он смешивает медицинскую деятельность с прокурорской и судейской), кор-

ректор назначаю я.

Фельдшер Дымов, болтун и сплетник, выдал инфо про Крабова. Шефа СС когда-то за что-то побили по лицу бутырские врачи. Вот бы узнать когда и за что. История украсила бы мои тетради. Ну не за схожесть же с железным Генрихом?

45-летний качок больной Кузькин, свастика на плече, не подписал согласие на лечение. Решил «оглядеться». Ориентировавшись, потребовал вернуть в СИЗО-5, откуда доставлен: «вскрылся», добиваясь перевода в другую камеру. Де в его камере варили решетку, не соблюдая мер пожарной безопасности. Не понравились запах и дым. Я «повелся», т. е. поверил Кузькину. Уж как честно смотрел он!.. Лала Викинговна открыла мне глаза. Этот тип, схваченный за бандитизм, формально по профессии – сборщик автоматических линий, в СИЗО-5 кричал, что психически болен, требовал госпитализации в ПБ. В Кошкином доме ему не понравилось: лечат! Да еще с **такими** побочными эффектами. На второй день в ПБ Кузькин объявил себя здоровым. Глупец! Типичная ошибка пациентов, желающих выписаться. Утверждение «я не болен» в психиатрии называется отсутствием критики к болезни. Станут дальше лечить, пока критика не появится. Выписке способствует утверждение: «Мне лучше» или (что хуже категоричностью) «Я выздоровел».

Я тоже даю «прокурорскую слабину». После репортажа по ТВ, как на ростовской дороге убили ночевавшую в машине ехшую с отдыха семью, мертвым перерезали для вер-

ности шеи, появляется желание умертвить Кузькина и «братьев» его.

10.07.09

Элтон обедает стоя, нагнувшись над столом, спиной к дверям. Дверь начальственного кабинета не заперта. Любой, кто осторожно откроет ее, видит спину Юпитера ПБ. Халат на Отце висит Зевсовой хламидой; лопатки, загривок, задники ушей двигаются в ритме вкладывания в рот, жевания и поглощения «сливок» душевнобольной пищи. Все врачи, фельдшера и сестры нашего ПБ имеют лишний вес, откормленные среди больных – только недавно прибывшие.

Завожу с Элтоном разговор о сопровождении медперсоналом больных в спецмедучреждения. Больные едут туда по постановлениям судов, в 100 % случаях соглашающихся с институтом Сербского о невменяемости. Отчего медики не берут с собой лекарства? Элтон, частично насытившись, уже благодушен: «Я не нуждаюсь в лекарствах».

Он хитро сластолюбиво ослабился, присаживаясь, усаживает меня, разливает кипяток в стаканы с растворимым кофе. Чувствую его горячее бедро. Тема неистощимо увлекательна: «Возможно, вам рассказывали... Если больной возбужден в автозаке, в столыпинском вагоне, возьмите его половой член. Движения вам известны. Семяизвержение успокаивает, купирует даже кататонический раптус».

Боюсь спросить, что делать в случае возбуждения психически больной женщины. Когда учит начальник-«артист», в вопросах нужно соблюдать меру...

Спавшего больного Опяна пытались задушить сокамерники. Опяну удалось отбиться. Крупный интеллигентный армянин, он сидит на кушетке для внутривенных вливаний, плачет, курит, стряхивая пепел в ладонь. Кошкин дом!

Антоновна смертельно боится больных: страшно сотряслась, раскрыв дверь перевязочной и при выключенном свете заметив меня, дремавшего в облезлом кресле у окна. Антоновна избегает обходов. Душевные переживания больных для нее – не интим, а ток-шоу. Вопросы о затаенном задаются ею больным на вече сестер, врачей, инспекторов, других больных. Она – замначальника по лечебной работе, но алко-гольный галлюциноз для нее – «белая горячка» и т. д. Про «шубу» достаточно сказано.

15.07.09

Вчера опер Сергей Григорьевич Гечалаев назвал Антоновне больных, выписка которых должна проводиться лишь с его согласия. Это Никитин, Крайних и Лакшашвилли. Все из 508-й камеры, где сидят «блатные». Блатной – это уголовный авторитет или тот, кто денежки подкидывает ответственным сотрудникам. Антоновна лжет.

Не делится ли Гечалаев с ней? По ее словам, указанные

Гечалаевым больные «поддерживают порядок в отделении, следят за ненадежными больными». Троица находится в 4-х местной камере, т. е. либо следит друг за другом, либо вторым за четвертым – «смотрящим» по ПБ. В общем, старожилы Кошкиного дома держат меня за дурака. И я разобрался: троица – «коммерческие», сидельцы, платящие оперу, а через него в стороны и выше за хование в ПБ от не столь комфортного пребывания в камерах общего корпуса. Видели бы вы «плазму» 508-й камеры! Не каждый непривлеченный имеет дома подобный домашний кинотеатр. Опять же еду, сидя в Бутырке, можно заказывать в ресторане... Позже этим троим и другим начальники станут писать в дневниках высосанную из пальца псевдосимптоматику, чтобы оправдать пролонгацию пребывания в ПБ.

Сегодня целая делегация следаков пришла к больному Хасанову. Попросили предоставить для беседы перевязочную, где я принимаю. Не мог не уступить. Убийцу Хасанова угваривали взять на себя какой-то «висяк», еще одно убийство. Через головы оперов Хасанов сетовал мне, что был в другом городе на какой-то свадьбе в день навязываемого убийства и подписывал подсовываемые бумаги. Я пошел домой, тщательно вымыл руки.

Элтон никогда не принимает больных по их просьбе. Только если сам захочет. Лечит тоже. Когда шлея под хвост пойдет. Экстравагантность его общеизвестна. Сегодня посоветовал приглядеться к ненавидимому Чингису: не считаю

ли я как психиатр, что у Чингиса нейросифилис? «Подождите, в зимние холода он в вывороченном шерстью вверх тулупе и с опущенными ушами труха станет по больнице ходить».

Элтон добивается инвалидности по приобретенному работой психиатра психзаболеванию (мечта многих аттестованных медиков ФСИН): «Я и сам при случае могу прикинуться больным. Три года живу в психбольнице. Никто не разоблачит!»

17.07.09

Антоновна Гордеева прячет кривую улыбку. Она вешает лапшу про состоятельного мужа-бизнесмена, а сама нет-нет да к еде душевнобольных приложится. «Чего муж-казах не кормит? Мак в Чуйской долине иссяк?» – не достойная доверия инвектива злой медсестры.

Аркадий тоже сопровождает этапы. Нет вопроса, что он стоматолог. Вот причина, что его практически никогда нет. Больные зубы я лечу анальгином. Появившийся солнышком Аркадий начинает с более волнующего его, чем вывод больных в зубо врачебный кабинет: «У нас ведь как: место генерала милиции стоит десять миллионов долларов, в Госдуме работать – пять миллионов. У меня таких денег нет. Имею и второе высшее образование – юриста... Да все равно приходится работать в тюрьме, добираясь сюда из Каширы».

22.07.09

У больного Раткина случился эпилептический припадок, когда медсестры, все три, ушли за зарплатой в кассу за территорией. Уколы для снятия эпистатуса делала терапевт Лала Викинговна.

Элтон, уже отставной начальник, в это время обследует меня и двух сотрудниц спецчасти, по очереди, на новомодном псевдоприборе, не иначе как с его подачи приобретенном учреждением. «114 тысяч!» Лампочки мигают, картинки распиленного человеческого тела меняют одна другую. Наденешь наушники, посидишь вперившись в экран, и аппарат выдаст поломки твоего организма, уверяет Элтон. Сидим и смотрим, пока двумя этажами выше терапевт пользуется эпилептика. «Главное, чтобы не было червей! – увещевает экс-главврач. – Случается: уважаемый человек, а страдает от гельминтов. Не раз подобное случалось в моей практике». По полчаса у нас искались гельминты. Нашли что-то другое. Не из деликатности?... Появляется Лала Викинговна. Она просится на обследование. Элтон и ее предупреждает о – не дай бог! – проблемах с анусом.

Позже, когда Викинговна в поликлинике МВД рассказала об «обследовании», ее пристыдили. «Вы – врач, а этому верите?!» Но мы занимаемся психиатрией – самой спекулятивной из медицинских наук.

Возвращаемся в кабинет Элтона. Балеты «для релаксации» он обычно смотрит по утрам. На этот раз угощает нас после «обследования». Доволен нашей верой ему. Вновь «Корсар», вновь мужики в трико в обтяжку пляшут. Элтон жадно всматривается в их гениталии, проясняя ситуацию с собственным свержением. Враги – Чингис и клика (отсутствующий доктор Грымов) – обвинили Элтона, что он «приватизировал» кабинет, «крайне необходимый для обследования больных, уступи, и вы не принимали бы в перевязочной!». Но мне кажется, Элтон имеет право на вот этот, к примеру, полутораметровый драный диван, где даже низенький главврач спит подогнув ноги. Есть убогий набор кастрюль, сковородок, чашек и т. д.

После отъезда Элтона в диване найдут множество мертвых тараканов, но ни страницы интереснейших записок, которые мог бы оставить талантливый самобытный психиатр. Он показывал мне атлас типических физиономий для использования в постановке диагноза. Пусть лица больных были чрезвычайно интеллигентны для нашего контингента. Он читал Крафт-Эбинга, Юнга... Последователи ничем подобным интересоваться не станут.

Исчез, кстати, и псевдоаппарат за «114» тысяч.

Версия Элтона о причинах его отставки

Наталья Филипповна, главный психиатр ФСИНа, люби-

ла его, одинокого подполковника 48 лет. Положив взгляд на «вечного» холостяка, разведенная одинокая женщина зачатила в Кошкин дом. Некогда, при главвраче Бероевой, Наталья Филипповна трудилась здесь простым врачом.

С надуманными, но добрыми проверками Филипповна засиживалась в кабинете Элтона допоздна. Потом просила проводить ее. «Хлопала ресницами». Элтон провожал до метро, даже спускался вниз. «За стеклом вагона я видел ее, посылающую мне воздушные поцелуи. Какими пламенными взглядами она меня авансировала!»

Как-то в два часа ночи после одной полной недомолвок весенних посиделок, когда метро закрылось, а больница сменилась ближним кафе, О. Ф. предложила Элтону проводить ее до дома. «Три-четыре остановки». Будто бы живет она в районе Савеловского вокзала или Тимирязевской. Подвыпивший Элтон пошел. Психиатры не способны были поставить диагнозы друг другу.

О. Ф. пригласила к себе, взрослого сына не было дома.

В квартире Элтон отказал влюбленной.

«Ты что, не мужик?!!» – Главный психиатр ФСИН с двадцатипятилетней психиатрической практикой, в форме, с двумя крупными звездами на погонах не желала соглашаться с истиной, очевидной для многих инженеров человеческих душ. Или страсть слепа? Говорили, но она не верила? Не казалась ей подозрительной хотя бы элтоновская манера ходить, по-женски крутя бедрами? Часто облизывать и без

того мокрые губы?

«Простите, но вы меня не за того приняли».

«Ты умрешь!!» – закричала полковница в истерике.

Элтон уготовил себе тяжелую судьбу. Грянула та самая безжалостная проверка.

«Бедные вы, бедные!» – говорила Филипповна больным, усаживаясь на их жаждущие прожарки от вшей постели. Она совершала трансфер, перенося собственную ошибку, неудавшуюся жизнь на арестованных мужчин, больных.

Потом я узнал: в день комиссии после совещания у начальника учреждения (Комкова) Филипповна вернулась в ПБ, Элтон же по-прежнему не показывался. Он бежал.

Поскольку Элтон жил в психбольнице, выйдя с территории, он мог отправиться лишь гулять. И он гулял, чтобы стряхнуть порочный прах Москвы с философических стоп.

Что же Н. Ф.? По свидетельству сестер, не дождавшись раскаяния, она уже не ходила по камерам. Вызвала какого-то больного в кабинет Элтона. Села на место начальника, а больного усадила на место, где обычно сидела сама на ночных посиделках с тем, кого определила избранником и теперь, еще любя, ненавидела.

Больной привычно заныл о незаконном задержании, сфабрикованном уголовном деле. Н. Ф. долго, но невнимательно слушала. Она на полуслове прервала больного, положив свою руку на его: «Помолчи. Я тебе сама расскажу. Моя жизнь не лучше твоей, хотя несчастья мои иные».

Подслушивавшая сестра, опасаясь гнева Н. Ф. (он чудовищен), отошла на носках сандалий от дверей. Неизвестно, что говорила Филипповна, вдавалась ли в конкретику, только излияния ее длились не менее полутора часов. Когда больной ушел, она платочком вытирала слезы.

Речь Элтона, другого страдальца, крошит реминисценцию: «Она завидовала моему немецкому. Слышала, когда по-немецки я разговаривал с приехавшими обмениваться тюремным опытом голландцами... Ее передернуло, когда мы с ней вошли в кабинет Левика (начальника медуправления УФСИН), и он похвалил мой костюм и ботинки, а не ее мундир. Я люблю и умею одеваться», – подчеркивает экс-начальник ПБ. Он воспринимает случившееся эстетически, на что грубые враги его не способны.

Нервы Элтона сдают. Начинается истерика. Он выкрикивает: «Ее девичья фамилия Блюменталь! Жиды! Она и Левик – жиды. Жиды верховодят во ФСИНе!»

Я неловко обнимаю Элтона, насколько позволяет разделяющий нас стол. Элтон хватается за меня обеими пылающими руками. Называя по имени-отчеству, продолжает:

«Я же после института распределился в МПС (Министерство путей сообщения). Три года! Потом ушел в систему. Служба в детской колонии сломала меня. Порок! Порок! Если б вы знали, какая там гадость! Приходят подростки ко мне, доктору, с вопросом, отчего воспитательница Валентина Андреевна то сама просит, а то ни в какую не дает. Даже

накажет, если пристаешь. Сотрудники педерастами влежкую становились. Офицеры ломались».

Элтон подливает мне кофе. Рука его дрожит. Голос прерывается. Он без порока сентиментален. Я начинаю думать, как бы уйти от него побезопаснее. Бают, врача Шмелева, благополучно закончившего стоматологический институт, проработавшего психиатром двенадцать с половиной лет – в Кошкином доме год за два идет (у меня есть случайно найденная ксерокопия его диплома), Элтон приставаниями довел до увольнения. Сестры, врачи: «Заставлял до десяти вечера после работы с ним за компьютером сидеть. Готовили отчеты». Коленка к коленке, плечо к плечу... «Если б не [Элтон], дядечка до сих пор бы работал. Хороший был доктор».

23.07.09

Не ведаю, спал ли Элтон. Торопливо поднял для приветствия багровое лицо; вижу его глаза с розовыми прожилками сосудов, как у кролика. С ранья строчит «телеги» на Левика и Н. Ф. Последняя, не по значимости, виновна, что за время работы главным психиатром не внесла новшеств в службу. Левик был виноват в том, что, будучи санитарным врачом, отлучился на двухмесячную учебу на психиатра в институте Сербского, отобрав возможность повышения квалификации... у меня. Зачем Левика сертификат психиатра, когда психиатром он работать не собирается? Известный коллек-

ционер сертификатов. В кабинете УФСИНа вся стена сертификатами увешана. Был бы толк!

Как водится, «телеги» Элтона лягут на стол самым обвиняемым для разбора полетов обвиняющих.

Элтон ищет правды в России, итог в Кошкином доме – запустение. Из-за «болезни» Чингиса и отпуска О. В. двадцать человек во II-м отделении не осмотрены, лечение им не назначено. В одиночку чищу авгиевы конюшни: смотрю, описываю, назначаю. Успеваю пролечить под влиянием «голосов» напавшего на медсестру Опяна, пытавшегося повеситься Лаптева (проколот, раздет догола, сидит в «резинке», чтобы не смел...). Не хочу перегружать книгу списком Чингисового жестокосердия или халатности, но он есть. Все двадцать фамилий.

Дополнение к анамнезу Кошкиного дома

В ночь с четверга на пятницу прошлой недели *старшая* (младший инспектор 2-й категории Л. Д. Светланова, в просторечии – Людмила) была поймана во время коитуса с подследственным. Отлучена из рядов сержантского состава. Инфо висит на доске позора Бутырки. Фото нет по причине отсутствия начальника по воспитательной работе Полесского. Так говорят. Фото у него? А вот рядом на стенде рисунок расстрела предателей в **1937** году. Это не опечатка.

Возвращаемся: уволенный Элтон жаждет подвигов, дабы

показать начальству и себе, какого ценного кадра в его лице Кошкин дом и Система теряют. Случай не заставляет себя ждать. У застарелого преступника, наркомана и эпилептика Лагуткина ночью был очередной приступ. Сестры разбудили ночевавшего по обыкновению в ПБ Элтона. Экс ворвался в камеру. Перевернул Лагуткина на бок и тянул западавший язык, пока ждал интубационную трубку, с такой силой, что порвал уздечку. Приезжала скорая...

Утром Элтон проверяет себя и Лагуткина на тетрадку: сифилис, гепатит, туберкулез, ВИЧ. Чего же я сглупил, не проверялся после «рот в рот»

Курицыну?... Застаю Элтона в процедурной, где он колет сам себе в складку живота витамин В₆ «для профилактики гепатита С».

28.07.09

Побеседовал с «интересным» человеком – проворовавшимся издателем из Питера. Васильковский Михаил Иосифович. Седой бледный интеллигент, из властных. Не отрицает, что «вывел» 30 миллионов рублей, но «в интересах возглавляемого издательства, типографии и шести журналов. По-честному издавал не исключительно себя». Оправдывается: я же для дела! Спрашивал меня, выгоднее ли отбывать срок на общих основаниях или «включить дурака» и лечиться в ПБ (на момент беседы Васильковский уже признан ин-

ститутот Сербского невменяемым).

Васильковский оскорблен, что экспертиза в Серпах длилась всего четыре дня. «Я большего внимания не достоин?... Вы не представляете, как врачи и сестры там матерятся! Женщины! Женщины!!! Слух интеллигентного человека режет». Человек соскучился по мягкому общению. За месяц в Кошкином доме я – первый доктор, который Васильковского посмотрел. Васильковский тщеславно показал фото. Вот он с женой. Которая на двадцать лет моложе. Вот он на своем катере (не все ушло на книги). Вот с сотрудниками: шесть молоденьких девушек вокруг седого интеллигента за письменным столом. Все улыбаются. Один высокомерно, другие – со скрытым презрением. (Наш характер! Где кормят, там и срут.) Вот с представителем президента по Северо-Западу. «Ну вы его знаете!» Я не знал. «Вы языки-то знаете?» У своей камеры попрощался на немецком.

Завтра Васильковскому на этап в Ульяновск. Он родом оттуда, как Элтон. С печальной усмешкой думаю, что Элтон уже не попросится его сопровождать. Как устроился в Питере? Две мысли сверлят ум: 1) как неверно мы себя оцениваем: обижаемся, когда нашу «сложную» натуру изучают всего четыре дня, и довольны двадцатиминутной беседой с не своим врачом в Кошкином доме; 2) почему не всё мы можем сказать, даже когда хотим. 30 миллионов!

После освобождения Васильковский мог бы издать все мои книги. Эх! Не договорились.

31.07.09

Элтон, вцепившийся в кресло начальника ПБ («25 лет в органах, подполковник, ничто никому не отдам!»), на протяжении недели симулирует соматическое расстройство: «Лагуткин при дыхании рот в рот заразил меня энтеромикозом и еще черт знает чем!» В рабочее время Элтон лежит в своем кабинете на серых тюремных простынях, не без галантности прикрывших рвань короткого дивана. Захожу по какому-то делу. Элтон лежит, свернувшись калачиком, в пижаме, спиной ко мне. Помешкав, не стал беспокоить. Формально Элтон на «больничном», но как фигура с подвижной психикой то болеет, то, не смирившись с отставкой, лезет во все. Гордеева, Окунева и другие неоднократно (с двусмысленной похвалой): «Творческий человек!»

Больной Хасанов, назойливо объявлявший, что проглотил ложку, затем вместе с рентгеном отверг версию и сошелся на том, что у него аппендицит. Беседую с Хасановым в «предбаннике», где он сидит на корточках в ногах лежащего на кушетке Жилеткина, которому внутривенно вливают глюкозу. Жилеткин продолжает отказываться от еды «в знак протеста». Кормим его через кровь. Подлаживаясь под бред, говорим, что «чистим организм».

Проснувшийся Элтон с неожиданной энергией подлетает мыть руки. Меряет взглядом сидящего Хасанова. Я взываю

к бывшему хирургу Элтону: не тряхнете ли стариной, не помянете ли животик Хасанову. Взбешенный Элтон, с ходу Хасанову: «А палец в прямую кишку не хочешь?!»

Хваленый ход. Элтон полагает, что другие чего-то «в зад», по понятиям, должны бояться.

Пауза. Элтон трактует в стезе собственной испорченности: «Здоров!» – «вылечив» Хасанова, он бежит сломя голову в свой кабинет, будто оттуда «враги» уже выносят диван, новую мебель, книги, видеотеку балетов.

Я вежливо посмеиваюсь. Хасанов, как пронесенный бедой, крестится. Магометанин, а не признал ли Сына Божьего? Вот такие бывают врачи. Хасанов хвалит меня – познал в сравнении.

01.08.09

Элтону нет до двух часов пополудни. Гордеева предположила шепотом: «Не ночевал!» Я предположил, не вслух: отдохнул от неурядиц душой в гей-клубе. Расследование показало иное. Вчера больница получила спирт как компонент смеси Попова (+ две таблетки фенобарбитала) – купировать абстинентные состояния.

Первой упилась дежурная медсестра II-го (хронического) отделения Света Писемская, яркая дородная толстуха-диабетчица. Элтон от нее не отставал. Вдвоем прикладывались до трех ночи, когда Попов свалил обоих.

Утром похмельная, неуклюжая, заваливающаяся на сторону Света несуразно, вербализируя разорванный поток пьяного сознания, громко материт меня. Смысл слов ее понять невозможно. У Светы пьют отец и муж. У отца после операции по поводу рака гортани трубочка в горле. Ее жалко. Но зачем же?... И почти каждое дежурство. Девочки-сестры прикрывают и покрывают ее. Уводят спать, когда она совсем никакая. Элтон появляется в два часа дня. Красен, походка шаткая, тремор рук. Не в настроении он налетает на инспектора, мирно дремавшего на посту:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.